
И. А. ЛОБАКОВА

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Система повторов и их функция в «Повести о разорении Рязани Батыем»

РЕЗЮМЕ

В статье выявлены лексические, сюжетные, композиционные и смысловые повторы в тексте Повести, а их анализ позволил прийти к выводу, что они образуют целостную систему. Повторы в этом произведении становятся основой художественной организации текста: все эпизоды пронизаны лексическими повторами, которые, соединяясь с другими повторами, образуют своего рода цепочки, раскрывающие сквозные темы памятника — мужества, плача и смерти. Все цепочки повторов оказываются связаны друг с другом на разных уровнях (образном, мотивном, тематическом, сюжетном, композиционном, семантическом) и дополнены повторяющимися метафорами и системой отсылок к библейскому тексту. Композиционные повторы завершают сходные ситуации повествования, объединяя текст в одно целое и одновременно отделяя близкие по смыслу эпизоды друг от друга. Единая система повторов свидетельствует о единстве замысла автора Повести, в эсхатологическом ключе осознавшего последствия нашествия Батыя.

Ключевые слова: Поэтика текста, «Повесть о разорении Рязани Батыем», система повторов, лексические, сюжетные, композиционные повторы в тексте, функция повторов, метафоры, система библейских отсылок, «плач-слава».

Irina A. Lobakova (Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia). The System of Repetitions and Their Function In the Tale of the Destruction of Ryazan by Batu

ABSTRACT

The article identifies lexical, plot, compositional and semantic repetitions in the text of the *Tale of the Destruction of Ryazan by Batu*. The analysis of these repetitions leads to the conclusion that they form a coherent system and underlie the literary design of the text. Lexical repetitions pass through all episodes and in combination with repetitions of other types constitute a certain chain that develops the crosscutting themes of the *Tale*: courage, lament and death. These chains of repetitions are interconnected different levels (figurative, motific, thematic, plot, compositional, semantic) and are complemented by repetitive metaphors and a system of biblical references. Compositional repetitions complete similar situations of the narrative, thereby consolidating the text and, at the same time, separating similar episodes. The unified system of repetitions indicates the unity of the concept of the *Tale*, whose author offers an eschatological interpretation of the consequences of Batu's invasion.

Keywords: Poetics, “Tale of the Destruction of Ryazan by Batu”, system of repetitions, lexical repetitions, storyline repetitions, plot repetitions, compositional repetitions, function of repetitions, metaphors, biblical references, glorifying lamentations.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» — одно из наиболее совершенных произведений литературы Древней Руси, что не раз отмечалось исследователями, анализировавшими ее текст. Так, Д. С. Лихачев расценивал Повесть как «одно из лучших произведений древней русской литературы».¹ Ученые обращались к различным аспектам в изучении памятника. Истории текста Повести и ее соотношению с произведениями «Заразского цикла» посвящен целый ряд исследований.² Рассматривался вопрос о соответствии содержащихся в Повести о разорении Рязани фактов и упомянутых лиц сведениям летописных источников, а также исторической достоверности памятника в целом,³ предпринимались попытки объяснить художественной природой Повести появление в ее тексте исторических «несоответствий».⁴ Большое внимание было уделено проблеме взаимоотношений Повести с фольклором.⁵ Художественные достоинства Повести о разорении Рязани позволяли соотносить ее со «Словом о полку Игореве».

¹ *Лихачев Д. С.* «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Лихачев Д. С. *Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси.* 1-е изд. М., 1975. С. 228.

² См.: *Комарович В. Л.* К литературной истории Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 57—72; *Лихачев Д. С.* 1) Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257—281; 2) Литературная судьба Повести о разорении Рязани Батыем в первой четверти XV в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 9—22; 3) К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 48—51; *Лобакова И. А.* 1) Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 36—53; 2) К полемике о соотношении «Повести о разорении Рязани Батыем» со *Словом о житии и преставлении Дмитрия Ивановича и Повестью о нашествии Тохтамыша* // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 519—542; 3) «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе рукописных тематических ансамблей // ТОДРЛ. Т. 67. СПб., 2020. С. 623—642; *Клосс Б. М.* *Избранные труды.* Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001. С. 411—456. Текстологическому исследованию Повести в указанном издании Б. М. Клосса посвящена рецензия: *Лобакова И. А.* Заметки по текстологии «Повестей о Николе Заразском». (Отклик на концепцию Б. М. Клосса) // *Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика.* СПб., 2005. С. 761—783.

³ См.: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. СПб., 2015 (3-е изд.). С. 125—127, 136—140; *Хрусталев Д. Г.* Русь и монгольское нашествие. 2-е изд. СПб., 2013. С. 134, 137—141, 143—145; *Майоров А. В.* Женщина, дипломатия и война: мирные переговоры накануне монгольского нашествия на Русь (в печати). В статье рассмотрено типологическое соответствие рассказа рязанского книжника о посольстве князя Федора Юрьевича и предъявленных требованиях к нему Батгя политической практике переговоров представителей Монгольской династии периода завоеваний. Признательна автору за предоставленную им возможность ознакомиться с текстом статьи до ее публикации.

⁴ См., например: *Лихачев Д. С.* «Повесть о разорении Рязани Батыем» // *Лихачев Д. С.* *Великое наследие...* С. 230—236; *Дмитриев Л. А.* Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237—конец XIII века // *История русской литературы.* В 4-х т. Л., 1980. Т. 1. С. 117—123; *Лобакова И. А.* Проблема соотношения старших редакций... С. 49—50.

⁵ В основном рассматривались эпизод с Евпатием Коловратом и отдельные воинские формулы. См.: *Орлов А. С.* 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII веком). М., 1902; 2) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. (2-е изд. — 1964 г.); *Адрианова-Перетц В. П.* Историческая литература XI—XV вв. и народная поэзия // ТОДРЛ. М.; Л., 1950. Т. 8. С. 137—138; *Дмитриев Л. А.* Литература первых лет монголо-татарского ига. С. 121—123; *Тонков В. А.* Воинские повести XII—XIII вв. и фольклор // *Известия Воронежского гос. пед. ин-та.* Воронеж, 1940. Т. 7, вып. 2 (ОЯЛ). С. 50—63; *Путилов Б. Н.* Песня о Евпатии Коловрате // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 118—139.

И. П. Еремин первым обратил внимание на композиционные повторы в Слове, отметив, что рефрены замыкают сходные по содержанию эпизоды, а их вариативность позволяет избежать монотонности повествования.⁶ Размышляя о поэтической композиции «Слова о полку Игореве», Н. С. Демкова отмечала, что большую роль в его организации «играют повторы разного типа, причем функции повторов в Слове столь многообразны и играют настолько большую роль в идейно-художественном отношении, что можно говорить о наличии сложной и в то же время единой системы повторов, которая обнаруживается во всех без исключения фрагментах памятника».⁷ Эти наблюдения ученых оказались принципиально важными при анализе художественной организации «Повести о разорении Рязани Батыем».

Сразу следует оговорить, что в работах, затрагивавших в разной степени проблемы поэтики Повести, упоминались отдельные воинские формулы, отмечалось наличие рефренов, ситуативных формул (в частности, плачей, описаний подготовки к битве, самого боя).⁸ Проведенный анализ текста «Повести о разорении Рязани Батыем» позволяет утверждать, что в ней, как и в «Слове о полку Игореве», лексические, сюжетные, композиционные и смысловые повторы образуют *систему*.

Задача настоящей статьи — показать, оттолкнувшись от одного из лексических повторов, каким образом любой из них не просто «прошивает» все эпизоды памятника, но, сочетаясь с другими повторами (в том числе, «формулами»), образует цепочки повторов, которые, в свою очередь, связаны между собой на разных уровнях (сюжетном, тематическом, композиционном и смысловом) системой отсылок, образуя композиционные рефрены, и, объединяя все фрагменты текста воедино, одновременно отделяют сходно организованные эпизоды друг от друга.

Лексема *братия* может показаться на первый взгляд этикетной констатацией родственных связей героев Повести. Первый раз в тексте памятника данная лексема появляется в просьбе рязанского князя Юрия Ингоревича о помощи после известия о приходе на Рязанскую землю Батыя с его войском и требованием десятины во всем. Причем с этой просьбой сначала Юрий Ингоревич обратился к великому князю Владимирскому: «...*воскоре посла в*

⁶ См.: Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 117, 120—122.

⁷ Демкова Н. С. Повторы в «Слове о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 18.

⁸ См., например: Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей... С. 11—64; Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 282—406; Робинсон А. Н. К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских повестей» Древней Руси // Основные проблемы эпоса восточных славян. Сб. статей. М., 1958. С. 131—158; Державина О. А. Картины битвы в русской литературе XI—XX вв. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 215—221; Прохазка Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 229—240; Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л. 1964. Т. 20. С. 29—40; Лобакова (Евсеева) И. А. Анализ формульного стиля Повести о разорении Рязани Батыем // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 120—125; Мелихов М. В. Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в литературной и рукописной традиции XV—XVII вв. СПб., 2003; Трофимова Н. В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М., 2017.

град Владимир к благоверному и великому князю Георгию Всеволодовичю Владимирскому, прося помощи у него на безбожного царя Батыя, или бы сам пошел».⁹ Однако великий князь отказал рязанцам в помощи: он «и сам не пошел, и на помощь не послал» (с. 140). Тогда рязанский князь «вскоре посла по братью свою: по князя Давыда *Ингоревича* Муромского, и по князя Глѣба *Ингоревича* Коломенского, и по князя Олга Краснаго, и по Всеволода Проньского и по прочии князи. И начаша совещевати...» (с. 140). Отметим, что в данном случае первый повтор — «вскоре посла» — читается и в известии о посольстве за помощью к владимирскому князю, и в обращении к братьям, маркируя одинаковую мотивировку действий Юрия Ингоревича Рязанского. При этом составителем сразу было введено в текст противопоставление: с одной стороны, отказ владимирского князя помочь (т. е. отсутствие ожидаемого действия) и, с другой, — мгновенность отклика братьев рязанского князя: их присутствию на совете словно не предшествовала даже минимальная временная дистанция.

Уже в первом же эпизоде тема братства рязанских князей в Повести раскрывается не только через повторяющуюся лексему «брат», но также поддерживается их общим отчеством — *Ингоревич*. Тот факт, что в едином братском войске оказались князья, которые не упоминаются в летописях (в частности, Глеб Коломенский) или княжили раньше описываемых событий и не были при этом родными братьями рязанского князя (Давыд Юрьевич Муромский княжил до 1228 г., Всеволод Глебович Пронский умер еще в 1208 г.), уже не раз отмечался исследователями. Мы лишь вновь подчеркнем, что до последней четверти XIII в. Муром и Коломна входили в состав Рязанского княжества и лишь после 1318 г. окончательно перешли под власть Москвы.¹⁰ Как представляется, для создателя памятника это единство Рязани, Мурома и Коломны как одной Рязанской земли оставалось важным и актуальным.¹¹

В рассказе о плаче над Федором Юрьевичем мотив единства братьев дополняется мотивом их единства со всей Рязанью. После убийства князя Феодора, сына Юрия Ингоревича, посланного к Батыю с посольством и великими дарами, рязанский князь «нача плакаться, и с великою княгинею, и со прочими княгинями, и з *brateю*. И плакашешя *весь град* на многъ час...» (с. 142). Известно, что упоминание о плаче всего города после смерти князя достаточно часто встречается в летописании,¹² но в данном фрагменте, как представляется, гибель Федора Юрьевича объединила в едином горе княже-

⁹ Повесть о разорении Рязани Батыем // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. XIII век. С. 140. Далее все цитаты приводятся по этому изданию, номера страниц указаны в скобках в тексте статьи.

¹⁰ Долгая борьба рязанских князей со Всеволодовичами за Коломну завершилась в 1319 г., когда князь Константин Рязанский, взятый в плен Даниилом Александровичем Московским и находившийся у него в заточении, отказался отдать Коломну в качестве выкупа за свою свободу, после чего был убит по приказу Юрия Даниловича Московского.

¹¹ Более подробно об этом «сведѣнии» в единое братское войско князей Рязанской земли см.: *Лобакова И. А.* К полемике о соотношении «Повести о разорении Рязани Батыем» со Словом о житии и преставлении Дмитрия Ивановича и Повестью о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 520—521.

¹² См. о значении плача над князем в летописании: *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. 1-е изд. М., 1970 С. 39—40.

скую семью со всеми жителями города. Рязанские князья и люди Рязанской земли становятся в этом эпизоде словно единой семьей.

Отметим, что далее в тексте лексический повтор «братия» оказывается тесно связан со сквозными темами Повести — мужества, смерти и плача.

В кратком рассказе о подготовке рязанского князя к битве создатель Повести о разорении Рязани соединил эти три темы в своеобразный «блок». Тема мужества реализуется, в частности, через известную по воинскому повествованию устойчивую характеристику-топос действий героев — «храбро/крепко и мужественно»; тема смерти — через повтор символа-доминанты¹³ анализируемого текста — «чаша смертная»; тема плача оказывается представленной в тексте и как жест, и как слово. Так, глядя на «*братию* свою», «*храбры и мужественны*» (с. 142) скачущих среди войска, Юрий Ингоревиич «воздел руже на небо *со слезами*» (с. 142), обратившись с молитвой к Богу.¹⁴ Важно отметить, что в его призыве к братьям, а затем и к дружине нет никаких надежд на победу. С самого начала князь Юрий Рязанский не сомневается в исходе битвы: «И рече *братьи* своей: „О, господия и *братиа* моя! Аще от руки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим?“¹⁵ Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, *брат ваиш, наперед вас*, изопью *чашу смертную* за святых божия церкви, и за вѣру христьянскую, и за отчину отца нашего, великаго князя Ингоря Святославича!“» (с. 142).

Создателем Повести сообщается, что рязанские князья с дружиной вышли навстречу бесчисленному войску Батыя, и это усиливает тему бесстрашия рязанцев. Описание битвы достаточно кратко и все пронизано лейтмотивом единства братьев в смерти: «И нападоша на нь, и начаша *битися крепко и мужественно*, и бысть сѣча зла и ужасна, мнози бо силнии полки падоша Батыеви <...>. Видя князь великий убиение *брата своего* князя Давыда *Ингоревиича* и воскричаша: „О *братие моя милая!* Князь Давыдъ, *брат наш*, наперед нас *чашу испил*, а мы ли сея *чаши не пьем?*!“» (с. 144). В этом эпизоде обнаруживается вариативность повтора «братия»: он оказывается дополнен эпитетом, который придавал обращению эмоциональную окраску. После гибели в бою князя Давыда — первого, по тексту памятника, из Ингоревиичей, князь Юрий Ингоревиич воскликнул: «О, братие моя *милая!*» Эмотивность обращения придает дополнительный смысл всему эпизоду, в котором составителем Повести подчеркнута братская любовь погибающих рязанских князей.

Рассказ о завершении сражения, в котором погибли все рязанские князья с дружиной, участвовавшие в битве, вновь содержит анализируемый лексический повтор «братия»: «Ту убиен бысть князь великий Георгий *Ингоревиич*, *брат его* князь Давыд *Ингоревиич* Муромский, *брат его* князь Глѣб *Ингоре-*

¹³ О символе-доминанте в «Слове о полку Игореве» см.: Демкова Н. С. Повторы в «Слове о полку Игореве»... С. 30.

¹⁴ Обращение князя перед битвой к Богу традиционно в воинском повествовании (к воинам обращались Александр Невский, Дмитрий Донской в памятниках Куликовского цикла и др.).

¹⁵ Обращение князя к дружине перед битвой в Повести о разорении Рязани содержит библейскую цитату (Ср.: «Аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим?», Иов. 2: 10). Полагаю существенным тот факт, что в Повести усилена тема смирения по сравнению с источником: Иов произнес эти слова, когда были живы его дети, а князь Юрий Ингоревиич — после убийства сына и гибели невестки с внуком.

вич Коломенской, брат их Всеволод Проньской и многая князи мѣсныя...» (с. 144). Как видим, все князья вновь названы братьями, при этом братская связь Ингоревичей отмечена повторением их отчества.

Завершается фрагмент о гибели рязанских князей с войском композиционным рефреном, который будет рассмотрен ниже.

Далее в Повести читается своего рода агиографическая «миниатюра», в которой Батый выступает как царь-мучитель, а князь Олег — как мученик за веру. Князя Олега Красного — последнего из братьев, участвовавших в битве, — татары «яша еле жива суща» (с. 144). Батый, «видя князя Олга *Ингоревича* велми красна и *храбра*, изнемогаючи от великих ран», готов излечить его, при условии, что тот откажется от веры. После отказа царь повелел Олега «ножи на части раздробити. Сей бо есть второй страстоположник Стефан, приа венець своего страдания от всемилостиваго Бога *и исти чашу смертную своею братею* ровно» (с. 144). Как видим, тема братства вновь поддержана как лексемой «братия», так и отчеством Ингоревич. Однако данный фрагмент на сюжетном уровне выстраивает тему единства судьбы рязанских князей перед лицом смерти, но при этом смерть эта завершает различные ситуации, в которых проявляются разные обязанности князя как правителя. В «Повести о разорении Рязани Батыем» рязанские князья погибают как не утратившие достоинства послы (князь Федор Юрьевич),¹⁶ как воины, вступившие в битву, не имея надежд на победу (князь Юрий Ингоревич с братьями и дружиной), и как святые (князь Олег Красный). Причем необходимо заметить, что Олег сравнивается с первомучеником Стефаном, так как в восприятии создателя Повести он стал *первым* русским князем, погибшим во время Батыева нашествия за веру.

Лейтмотив князей-братьев продолжен в рассказе повествователя о князе Ингваре Ингоревиче и связан с одной из основных тем памятника — темой плача, раскрытого и в действии, и в слове. Создателем Повести сообщается, что князь приходит в Рязанскую землю, «видя ея пуну, и услыша, что *братья его* всѣ побиены от нечестиваго законопреступника царя Батыея» (с. 148). Придя в Рязань, князь Ингварь увидел сожженный мертвый город, разобрал тела погибших и похоронил их с «*плачем великим* во псалмов и пѣсней мѣсто» (с. 150). «*И плачяся* безпрестано, поминая мать свою, *и братью* свою, и род свой...» (с. 150). Своего рода кульминацией осознания братской темы оказывается описание прихода Ингваря Ингоревича к тому месту, где «побьени быша *братья его* от нечестиваго царя Батыея: великий князь Юрьи Ингоревич Резанской, *брат его* князь Давыдь *Ингоревич*, *брат его* Всеволод *Ингоревичь*». Плач Ингваря Ингоревича как риторически украшенное слово начинается с обращения «О, *милая моя братья* и *господие!* Како успе, животе мои драгии?» И еще дважды в своих риторических обращениях к убитым Ингварь восклицает: «О, *милая моя братиа!*», т. е. лексический повтор получил устойчивую эмоциональную окраску. Отметим, что это же эмотивное обращение впервые читается в эпизоде битвы рязанских

¹⁶ Мне уже приходилось писать, что отказ князя Федора отдать Батыю на ложе жену не связан с «романической» интерпретацией. Князь отказывается признать себя и все Рязанское княжество побежденными (только у потерпевшего поражение победитель мог отобрать все — власть, имущество, семью). Не случайно его отказ выражен предельно четко: «аще нас *придолгьши* (выделено мной. — *И. Л.*), то и женами нашими владѣти начнеши» (с. 142).

князей с войсками Батыя после гибели князя Давыда Ингоревича. Но князь Юрий обращался к своим братьям после гибели в битве первого из них, а слова князя Ингваря, последнего, по тексту памятника, Ингоревича, адресованы уже ко всем погибшим в бою братьям. При этом важно подчеркнуть, что повтор в его плаче несколько варьируется. Так, обращаясь к братьям во второй раз, он добавляет: «*О, милая моя братия и дружина ласкова! Уже не повеселюся с вами!*» Такое дополнение — «дружина ласкова» — подчеркивает теплоту отношений рязанских князей и дружинников: пограничное положение княжества требовало постоянной готовности к защите его границ, поэтому князья с дружиной были связаны особо тесно. Прежнюю счастливую жизнь братьев-князей и их дружины до Батыева нашествия характеризует глагол «повеселюся». Утрата веселья — еще один повтор в Повести, которого коснемся ниже. В третий раз повтор «*О братия моя и господие!*» включается повествователем в текст памятника после просьбы князя Ингваря о помощи в битвах: «*О, братие моя и господие! Помогайте мнѣ во святых своих молитвах на супостаты наши — на агаряне и внуци измаительска рода!*» (с. 152). Отметим, что, говоря о себе самом, князь Ингварь каждый раз подчеркивает свое родство с погибшими: «*Про что не промолвите ко мнѣ, брату вашему*», или «*Чему, господине, не зрите ко мнѣ, брату вашему, не промолвите со мною?*», или «*Ужели забыли есте мене, брата своего...*», или «*И кому приказали есте меня, брата своего?*», или «*Аще услышит Богъ молитву ващу, помолитесь о мнѣ, о брате вашем, да вкупе умру с вами!*» (с. 150). Причем в последней фразе смерть оказывается интерпретирована оставшимся в одиночестве героем как желанное освобождение от обрушившихся бедствий.

После плача следует рассказ о погребении убитых в Рязани, среди которых была родня князя вместе с его матерью. Этот эпизод является сюжетным повтором описания первых похорон в памятнике. Так, напомним, Феодор — первый из убитых Батыем князей — после оплакивания был тайно похоронен его пестуном Апоницей; Ингварь Ингоревич, оплакав мать, снох и жителей Рязани, похоронил их всех. Составителем Повести сообщается, что князю пришлось хоронить убитых на поле боя, что является еще одним сюжетным повтором в памятнике: «*Князь Ингварь Ингоревич начаша разбирати трупие мертвых <...>. А инех тут на мѣсте на пуге собираше и, надгробное пѣша, похраняше*» (с. 152). Это лаконичное описание «разбивает» рассказ, организованный как подробное, с собственными повторами повествование о погребении князем Ингварем его братьев. Как следует из текста памятника, князь «*взя тѣло братьи своей: и великаго князя Георгия Ингоревича, князя Давыда Ингоревича Муромского, и князя Глѣба Ингоревича Коломенского, и инехъ князей <...> и ближних-знаемых, принесе их во град Резань и похраняше их честно <...> и поиде ко граду Проньску. И собра раздробленнии уды брата своего — благовѣрнаго и христоролюбиваго князя Ольга Ингоревича, и несоша его во градъ Резань, а честную главу его сам князь велики Ингварь Ингоревич и до града понеси, и целова ю любезно. Положиша его с великим князем Юрьем Ингоревичем во единой раце. А братью свою — князя Давыда Ингоревича да князя Глѣба Ингоревича — положиша у него близ гроба во единой рацѣ*» (с. 152). В этом эпизоде рассказ о погребении князей-братьев важен композиционно. В стремлении к подробности особо ярко проявлено

этикетное начало. При этом смысл плеоназма очевиден: трехкратный повтор церемониальных действий князя, который «честно» и «любезно» простился со всем своим родом,¹⁷ подчеркнул их скорбную торжественность (принесе/несоша/понеси; во град Рязань/во град/до града; похраняше/положиша/положиша).

Проходящий лейтмотивом повтор братства и родства композиционно завершен Похвалой роду рязанских князей, в которой подчеркивается единство всех княжеских родов Русской земли, восходящих к князю Владимиру Святославичу, своими «сродниками» почитавших князей-*братьев* Бориса и Глеба. Перечисляя добродетели рязанских князей, автор отметил: «Бяше родом христолубивыи, *братолубивыи*, лицом красны, очима светлы, взором грозны, паче мѣры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим привѣтливы, к церквам прилежны, на пиrowанье тщивы, до осподарьских потех охочи, ратному дѣлу вельми искусны, к *братье своей* и ко их посолником величавы» (с. 152—154). Как подчеркивал Д. С. Лихачев, в Похвале реальные достоинства рязанских князей (отвага, готовность к сражениям, связанная с пограничным положением их княжества, хорошие отношения с боярами) сочетаются с небесспорными. Братолюбие были привержены не все князья этого рода: летописи сохранили сведения о братском пире, устроенном князем Глебом Владимировичем Рязанским с братом Константином в 1218 г., когда ими были убиты шестеро их братьев — родных и двоюродных. Но мужество в бою и героическая гибель рязанских князей за свою землю, по словам Д. С. Лихачева, очистила весь их род от прежних грехов: «была смыта кровью, пролитой за Родину, память о многих преступлениях одной из самых беспокойных, воинственных и непокорных ветвей рода Владимира Святославича Киевского».¹⁸ Гибель в безнадежной битве князей-братьев становится своего рода добровольной жертвой за «отчину» — Рязанскую землю и «вѣру христьянскую». Н. И. Милютенко на другом материале справедливо заметила: «Для убитых государей невинность не является необходимым качеством. Статус и принесение в жертву делает их святыми».¹⁹

Отметим, что смысловые повторы, связанные все с той же темой родства, обнаруживаются как в плаче Ингваря Ингоревича, так и в Похвале роду рязанских князей. Так, в плаче риторический вопрос: «Про что не промолвите ко мнѣ, *брату вашему, цвѣты прекрасныи, винограде мои несозрѣлыи?*»²⁰

¹⁷ Представляется очевидной ориентация составителя Повести в разработке темы единства братьев в памятнике на представления о значимости рода в княжеской среде домонгольского времени. См.: *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84—104.

¹⁸ См.: *Лихачев Д. С.* «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Лихачев Д. С. Великое наследие... С. 234.

¹⁹ Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подгот. текстов Н. И. Милютенко. СПб., 2006. С. 36.

²⁰ Эпитет «несозрѣлый», как представляется, позволяет связать его использование с текстом одного из памятников Борисоглебского цикла. В «Сказании о Борисе и Глебе» князь Глеб молит подступающих к нему убийц: «не пожнете класа не уже съзрѣвъша» (См.: *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики... С. 302). Заметим, что данный эпитет противопоставлен образу естественной смерти человека — образу пшеницы созревшей, готовой к обмолоту: «Внидеши во гроб, якоже пшеница созрелая, вовемя пожата» (Иов 5: 36). В. П. Адрианова-Перетц отмечала, что образы гибнущей молодости — неспелый колос, нива незрелая, зеленый виноград — присутствовали и в поэтической системе народного плача, и в песно-

открывает в Повести цепочку метафорических повторов, в которых присутствует восходящее к библейской образности представление о людях как о цветах сада. Метафоры, отражающие представление о мире как о саде, и людях как о цветах и плодах его, встречаются во многих средневековых памятниках.²¹ В основе такого восприятия лежат библейские взгляды на мироздание. В качестве примеров можем привести: «Человек, яко трава дъни его, яко цвет селный, тако оцветет» (Ис. 30: 6); «Мати твоя, яко виноград и яко цвет шипчан на воде насажден» (Иез. 19: 10); «Обиман будет, якоже незрелая ягода, прежде часа да отпадет же, яко цвет масличня» (Иов 15: 33). Эта тема продолжена в словах князя о себе и братьях как едином «*многоплодном винограде*». В Похвалу создатель Повести включил еще один вариативный повтор на тему сада и цветов, при этом им было подчеркнуто, что сад был насажден самим Богом: «*Святого корени отрасли и Богом насажденаго сада цвѣты прекрасны...*» (С. 154). Сквозные образы прекрасных цветов и многоплодного сада связывают два этих эпизода памятника (плач и Похвалу), в первом из которых единственный по тексту Повести оставшийся в живых Ингварь Ингорович оплакивает всех своих братьев и всю княжескую семью, а во втором автор прославляет весь род рязанских князей.

Представляется существенным для анализа художественной организации Повести тот факт, что ее создатель теме братства/родства придал особый — сакральный смысл. Эта сакрализация была осуществлена не только благодаря включению в произведение названных библейских реминисценций, но и за счет обращений героев памятника к «сродникам» — святым братьям Борису и Глебу. Прямые обращения к ним читаются в сюжетных повторах — молитвах князей. Первая молитва князя Юрия Ингоровича представлена как словесное произведение, составленное из строф и фрагментов строф псалмов, которые богословская традиция связывает с циклом молитв Давида во время ожесточенного преследования его царем Саулом. Князь «*возде руце на небо со слезами и рече: „Изми нас от враг наших, Боже, и от востающих на ны избави нас,²² и покрый нас от сонма лукавнующих и от множества творящих безаконие.²³ Буди путь их тма и ползок“*»²⁴ (с. 142). Данная молитва предшествует обращению князя к братьям, в котором уже нет мысли об избавлении от нашествия, а есть осознание неизбежности смерти в битве с врагом. Сразу после этого обращения следует рассказ о приходе князя в соборную церковь Успения Богородицы. Князь Юрий Ингорович, по словам автора, «*плакася много пред образом пречистыа Богородицы, и великому чудотворцу Николе, и сродником своим Борису и Глѣбу*» (с. 142).

пения церковной службы. См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 29—49.

²¹ Так, например, Владимир Мономах в письме Олегу Святославичу сравнил своего сына Изяслава, убитого его крестным отцом — Черниговским князем, с увянувшим едва распустившимся цветком: «*и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процвѣтшю*» (БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 472). В «Сказании о Борисе и Глебе» князь Глеб просит: «*не порѣжете лозы не до коньца въздрасъша, а плод не имуща*» (*Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики... С. 302), а князь Борис «*акы цвѣтъ цвѣтый въ уности своея*» (Там же. С. 312).

²² Ср.: «*Изми мя от враг наших, Боже, и от востающих на мя избави мя*» (Пс. 58: 2).

²³ Ср.: «*И покрый мя от сонма лукавнующих и от множества делающих неправду*» (Пс. 63: 2).

²⁴ Ср.: «*Буди путь их тма и ползок*» (Пс. 34: 6).

Обращение к святым князьям-братьям выглядит традиционным: они покровительствовали князьям в битвах.²⁵ Однако в Повести авторский рассказ о молитве *со слезами*, на наш взгляд, акцентирует внимание на мотиве ожидания неизбежной смерти рязанцев в битве с монголо-татарами.

В молитве князя Ингваря Ингореви́ча оказываются соединены молитвенные обращения к Богу, Богородице,²⁶ братьям Борису и Глебу и родным братьям-князьям: «Господи Боже мой! На тя уповах, спаси мя, и от все́х гонящих избави мя!»²⁷ Пречиста владычице Богородице Христа, Бога нашего! Не остави меня во время печали моея!²⁸ *Великие страстотерпы и сродники наши Борис и Глѣб! Буди мне помощники, грешному, во бранех! О братие моа и господиа! Помогайте мнѣ во святых своих молитвах на супостаты наши — на агаряне и внуци измаительска рода!»* (с. 152). Данная молитва, где главной является просьба о помощи в сражениях, традиционна для воинского повествования, как и упоминание об обращении к Борису и Глебу князя Юрия Ингореви́ча. В рассказах о молитвах князей автор Повести использовал не только сюжетные повторы (ситуация молитвы), прямые повторы (обращение к Богородице, князьям Борису и Глебу), но и смысловые параллели псалтирных стрóf. Так, в молитве князя Юрия Ингореви́ча читаем: «Изми нас от враг наших, Боже, *и от восстающих на ны избави нас*», а в молитве князя Ингваря — «на тя уповах, спаси мя, *и от все́х гонящих избави мя*». Причем, если Юрий Рязанский осознает смерть в битве с войском Батыя как неизбежность, то князь Ингварь, оплакивающий свой род, просит о ней как о желанном избавлении от одиночества в час бедствий. Однако при этом составителем Повести показано, как в завершении молитвы князя проявляется осознание им его статуса защитника княжества, который обязывает его обратиться с просьбой о помощи в будущих битвах к Борису и Глебу и своим братьям. В тексте Похвалы автором подчеркнута еще раз, что рязанские князья приходятся «сродниками» святым князьям Борису и Глебу, что поддерживает мысль о сакральном характере подвига рязанских князей, погибших за свою землю. Они выполнили заповедь Христа: «Болши сея любви никтоже иматъ, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15: 13).

Фрагменты текста Повести, в центре которых — описание двух битв (князей с дружиной и Евпатия Коловрата), содержат уже отмеченный повтор «*храбро/крепко и мужественно бѣяшеся*». Два этих сюжетных повтора построены по сходной схеме, которая позволяет говорить о сюжетной симметрии. Так, в первом из эпизодов сначала князь Юрий видит своих братьев и воевод «*храбры и мужественны ездяше*» (с. 142), затем в авторской речи сказано, что князь Юрий с братьями напали на Батыево войско и «*начаша битися*

²⁵ Об этой функции святых князей упоминалось уже в древнейшей Службе им. См.: *Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им.* Пг., 1916. С. 49. См. также: *Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре.* М., 1998. Т. 1. С. 490—508, 549—566; *Успенский Б. А. Борис и Глеб. Восприятие истории в Древней Руси.* М., 2000.

²⁶ Богородица уже в ранней — киевской — традиции почиталась как градозащитница — «стена нерушимая». См.: *Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство.* М., 1972. С. 25—50.

²⁷ Ср.: «Господи! На тя уповах, спаси мя и от всех гонящих избави мя» (Пс. 7: 2). Псалом имеет надписание «Плачевная песнь по деянию Хуса».

²⁸ В этом фрагменте можно обнаружить аллюзию — см.: строфа Канона Богородице: «Молю, Дево, душевное смущение и печали моея бурю разори».

крепко и мужественно» (с. 144), далее царь Батый «видяше, что господство резанское *крѣпко и мужественно бьяшеся* и возбоися» (с. 144), т. е. отвага рязанцев вызывает страх у их врагов. После смерти князя Давыда рязанские князья «преседоша с коня на кони <...> *храбро и мужественно бьяшеся*, яко всѣм полкомъ татарскимъ подивитися *крѣпости и мужеству* резанскому господству» (с. 144). Заслуживает внимания, как представляется, тот факт, что в повествовании храбрость и мужество рязанцев отмечаются разными персонажами (князем Юрием, Батыем, татарами) и самим автором, который говорит о страхе и удивлении врагов, порожденных этой отвагой. Во втором эпизоде, где описана битва Евпатия Коловрата с дружиной в 1700 человек, сказано, что, увидев разорение Рязани и ее земель, они «погнали» вслед за Батыевым войском, чтобы отомстить за погибших. Далее в тексте читаем, что они «внезапу *нападоша на станы* Батыевы» (с. 146). Данное описание начала битвы повторяет подобную ситуацию в рассказе о начале битвы рязанских князей: «И *нападоша на нь* и начаша битися...» (с. 144). Т. е. и рязанские князья, и Евпатий нападают на «тмочисленное» войско Батыя первыми, что подтверждает мысль составителя памятника об отваге рязанцев. Причем в описаниях этих двух битв присутствует еще один повтор в рассказе о действиях персонажей: согласно тексту Повести, рязанские князья сменили во время битвы коней («преседоша с коня на конь»), а Евпатий и его воины, как сообщается автором памятника, вынуждены были сменить оружие, так как их «мечи притупишася, и емля татарскыя мечи и сѣчаша их» (с. 146). Далее читается основной лексический оценочный повтор: «И ездя полкомъ татарскимъ *храбро и мужественно*, яко и самому царю *возбоются*» (с. 146), что является параллелью к словам о страхе Батыя в битве с рязанскими князьями. Евпатий поразил множество воинов царя, и «*татарове возбояшеся*, видя Евпатия *крѣпка* исполина» (с. 148). По причине этого страха враги убивают предводителя рязанской дружины из множества стенобитных орудий. В тексте Повести сказано, что царь Батый со своими мурзами, князьями и санчакеями «начаша дивитися *храбрости, и крѣпости, и мужеству* резанскому господству» (с. 148), после чего приближенные говорят царю о том, что рязанцы бились «*крѣпко и мужественно*» (с. 148). В этом воинском эпизоде, как и в том, где описывается битва рязанских князей, обнаруживается смена точек зрения в описании событий (автор — Батый — Батый и его сановники — приближенные Батыя). В двух рассматриваемых фрагментах (рассказах о сражениях) наблюдается не просто вариативность формул,²⁹ но вариативность повторов в рамках текста: храбрые и мужественные князья, которые бьются с врагом крепко (или храбро) и мужественно, а в оценке Батыя и его военачальников варианты повтора сведены воедино — враги удивляются *храбрости, и крепости, и мужеству* рязанских воинов. Отметим также, что при описании подготовки к сражению, когда впервые в тексте использован повтор, повествователь сообщает, что князь Юрий видит братьев, которые «храбры и мужественны ездяше», а заключая рассказ о битве Евпатия с дружиной, в уста врагов вкладывает слова, что их противники «*крѣпко и мужественно ездя*», что позволяет обнаружить кольцевую компо-

²⁹ См.: Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия... С. 117; Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул... С. 34—37.

зицию повтора, которая связала два симметричных батальных сюжета. Отвага рязанских князей особо подчеркнута составителем памятника в Похвале роду рязанских князей: «паче мѣры храбры» (с. 152).

Мотив мужества под пером автора Повести стал мотивом, объединившим рязанских князей-братьев и их воинство воедино. По словам создателя памятника, рядом с князьями-братьями бьются рязанские «удальцы и резвцы». Представляется, что данный повтор появляется в тексте применительно к погибшим дружинникам, поддерживая сквозную тему Повести о разорении Рязани — тему единства в смерти. Так, после перечисления погибших в битве с Батыем рязанских князей-братьев, автор добавил, что вместе с ними погибли «многая князи мѣсныа, и воеводы крѣпкыа, и воинство — *удалцы и резвцы резанския*» (с. 144). После этого впервые читается композиционный рефрен памятника («Вси равно умроша...»), который будет рассмотрен ниже. Второй раз об «удальцах и резвцах» — своих мертвых противниках — говорят монголо-татары: «Мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких *удалцов и резвцов* не видали, ни отцы наши возвестиша нам»³⁰ (с. 148). В плаче Ингваря Ингоревича над погибшими князьями и воинами повтор несколько трансформирован: «Како нареку день той или како возпишу его — в он же погипе толико господарей и *многие узорочье резанское храбрых удалцев*» (с. 152). Этот повтор, в котором неизменными остались определение «резанское» и слово «удальцы», был дополнен эпитетом «храбрые» и метафорой «узорочье» (изделия златокузнецов). Представляется важным, что образ воинов как главного богатства княжества, которое было утрачено в битве, соотносится с подобными представлениями автора «Слова о полку Игореве», где о погибшем воинстве говорится как о золоте и богатстве, погруженных на дно Каялы. Необходимо заметить, что метафора «узорочье резанское» в тексте Повести толкуется составителем памятника шире — она отнесена ко всем жителям города. В авторском описании плача князя Ингваря Ингоревича, который нашел мертвыми мать, свою родню и жителей Рязани, читаем: «И плачяся безпрестани, поминая мать свою, и братью свою, и род свой, и все *узорочье резанское* — вскоре погипе» (с. 150). В данном случае метафора, получившая устойчивое словесное оформление — «узорочье резанское», отнесена не только к воинам, но ко всем рязанцам. Автором последовательно выстраивается образ главного богатства Рязани — людей, живших в городе и погибших, защищая его. Существенно, что в тексте памятника слова «узорочье» было использовано и в прямом значении с поясняющими его словами «нарочитое», «богатство» и «казна». Причем, в обоих случаях речь идет о разграблении богатств столицы княжества врагами. После гибели в битве князей и взятия Рязани сообщается: «И весь град пожгоша, и *все узорочие нарочитое, богатство резанское* и сродник их киевское и черьниговское поимаша» (с. 146). Пришедший в Рязань Ингварь Ингоревич видит ту же картину: «и *все узорочье в казне черни-*

³⁰ Заключительная часть предложения оказывается несколько измененным (за счет отрицания «ни») фрагментом библейского текста: «о сем <...> ушима нашими услышахом, и отцы наши возвестиша нам» (Пс. 43: 2). Прием использования нехристианами библейского текста достаточно традиционен. Ср., например, в Новгородской IV летописи слова монголо-татар, обращенные к русским князьям, в рассказе о битве на Калке: «Мы на вась не посягли ничѣмъ, а вы на насъ идете, то судит Богъ межю вами и нами» (ПСРЛ. Петроград, 1915. Т. 4. С. 202).

говской и *резанской* взято» (с. 148). Таким образом, на наш взгляд, в тексте Повести повтор «удальцы и резвцы» был дополнен метафорой «узорочье» и оказался связан с темой разоренного города, где метафора была лишена иносказательного смысла и слово было использовано составителем в прямом значении.

Отчаянная храбрость рязанцев подчеркивается в этих двух эпизодах еще одним повтором: «*Един бьяшеся с тысящею, а два — со тмою*». В этих словах видится реминисценция 30-го стиха Великой (второй) песни Моисея (Втор. 32): «Како поженет един тысящи, а два двигнет тмы, аще не Бог отдаде их, и Господь предаде их?» Данный фрагмент в предсмертном пророчестве Моисея отнесен к многочисленным врагам Израиля, которых Бог избрал орудием своего суда над согрешившим народом.³¹ Близкую семантику — наказание Богом людей за совершенные прегрешения — имеет данный повтор в «Повести о разорении Рязани Батыем»: бесчисленное войско Батыя становится орудием Божьего гнева. Данная семантика поддерживается непосредственной связью темы божественного возмездия и рассматриваемого повтора. Так, в рассказе о битве рязанских князей после слов о страхе Батыя читаем: «*Да противу гневу Божию хто постоит? А Батыеве бо силе велице и тяжце: един бьяшеся с тысящею, а два — со тмою*». И далее сообщается о гибели в бою первого из братьев — князя Давыда, о которой говорит его старший брат Юрий Ингоревиц. Смерть в бою первого из князей-братьев семантически связывает цепочку рефренов с темой смерти. В описании сражения Евпатиевой дружины данный повтор введен в речь врагов, глядящих на уже мертвого Евпатия после того, как в битве полегла вся его дружина. О мертвых противниках враги говорят как о людях бессмертных и крылатых: «Сии бо люди крылатыи и не имеюще смерти. Тако крѣпко и мужественно езда, бьяшеся един с тысящею, а два — со тмою. Ни един от них может съехати жив с побоища!» (с. 148). Очевидно, что последняя фраза приведенного фрагмента текста может быть понята двояко: никто из рязанцев не может остаться в живых после такой битвы (реальный комментарий) или никто из их противников не может сохранить жизнь в сражении с ними (развитие оксюморона: убитые воины — бессмертные люди).

Наиболее ярким образом темы смерти в тексте Повести является повтор символа-доминанты «*чаша смертная*».³² Необходимо сразу оговорить, что

³¹ *Кашкин А. С.* Великая песнь Моисея: экзегетический анализ Второзакония 32: 1—43 // Христианское чтение. 2011. № 3 (38). С. 67—123. Исследователь отметил, что с X в. Великая песнь Моисея звучит в церкви 6 раз в году: во вторник четырёхдесятницы, вторник Сырной недели, субботу Мясопустную, Сырную и Троицкую, в четверг 5 недели Великого поста. Там же автор высказал предположение, что оборот отражает существовавшую «поговорку», приведя в качестве примеров 1 Цар. 18:7 («Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч») и Ис. 30:17 («Моисей гнал тысячи»). Текст Великой песни Моисея имеет устойчивую славянскую рукописную традицию. См.: *Семячко С. А.* Предисловия к библейским песням как историко-литературный феномен // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 62—83.

³² Очевидна связь этого образа с евангельским сюжетом — эпизодом «моления о чаше» Христа в Гефсиманском саду: «Господи! Да минует меня чаша сия» (Мф. 26: 39). Среди дошедших до нас древнерусских памятников этот образ обнаруживается в «Слове о князьях» (XII в.), где о князьях Борисе и Глебе сказано: «и смертной чаши Господня не отвергостася» (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 833, л. 414.). В Повести единую смертную чашу испили вместе со своими князьями и безымянные воины, и все защитники и жители города. А. В. Пигин обратил мое внимание на образ чаши в переводном памятнике «малой эсхатологии» — Жи-

этот повтор может быть представлен тремя вариантами. Как уже отмечалось прежде, князь Юрий в своем обращении к братьям произнес: «Се бо я, брат ваш, изопью *чашу смертную...*» (с. 142). Князь Олег, приняв мученическую смерть, по словам автора, «испи *чашу смертную* своею братею равно» (с. 144). Во втором — усеченном — виде повтор *смерть-чаша* читается в обращении князя Юрия Ингоревиича к братьям после гибели князя Давыда Муромского: «Князь Давыд, брат наш, наперед нас *чашу испил*, а мы ли сея *чаши не пьем?*» (с. 144). В этой же форме повтор использован в ответе дружинников Евпатия царю Батыю, однако в данном эпизоде в повторе очевидна его связь с семантикой битвы-пира:³³ «Посланы от князя Ингваря Ингоревиича Резанскаго тебя, силна царя, *почтити*, и *честна проводити*, и *честь тебе воздати*. Да не подиви, царю, *не успевати наливати чаш* на великую силу — рать татарскую» (с. 146). Эта интерпретация повтора подтверждается авторским замечанием: «Татарове же стаща, яко *пианы* или неистови» (с. 146) и словами Батыя, обращенными к мертвому Евпатию: «Гораздо еси меня *подцивал* малою своею дружиною» (с. 148). Третий вид повтора читается в главном композиционном рефрене Повести как «*единая чаша смертная*». Этот композиционный повтор имеет семантически закрепленную позицию: он завершает описание гибели князей с дружиной, затем города со всеми его жителями, а далее вводится в повествование о князе Ингваре, осознающем разорение Рязани и ее земли как «великую конечную погибель». Повтор варьируется в каждом из эпизодов. Однако в нем остается неизменной та часть рефрена, которая несет основную семантическую нагрузку. После битвы князей и их смерти со всем воинством — удалцами и резвецами рязанскими рефрен получил вид: «*Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возвратися вспять, вси вкупе мертви лежаша. Сиа бо наведе Богъ грѣхъ ради наших*» (с. 144).

Поскольку кульминацией Повести является гибель Рязани, то создатель Повести расширил одну из составляющих рефрена, завершающего описание разоренного города и погибших рязанцев. Он раскрыл в ряде синтаксически параллельных смысловых фрагментов обобщение «все»: «И не оста во граде *ни един живых, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нѣсть бо ту ни стонюща, ни плачюща: и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отцы и матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупе мертви лежаша. И сиа вся наиде грѣхъ ради наших!*» (с. 146). Отметим, что обобщение открывается отрицанием «нѣсть» и продолжено мыслью о невозможности стенания и плача, так как в мертвом городе не осталось тех, кто мог бы плакать. И далее появляется мотив утраченного навеки родства. Причем родство это представлено в тексте сначала как родство ближайшее в

тии Василия Нового (БЛДР. СПб., 2003. Т. 8. С. 494—528), что позволило увидеть значительную разницу в их интерпретации авторами. В Евангелии, в Повести и Слове о князьях «чаша» («смертная чаша») выступает в символическом значении смерти. В рассказе Феодоры (с. 498) подробно описываются ужасы мытарств *после* смерти, более того, Смерть отсекает «малой секирою» голову Феодоре, а затем, по словам героини, «раствори в чяше не вѣдѣ что, вдавши пити нуждею страшною и отиде от тѣла». В данном фрагменте чаша с неведомым зельем становится скорее реально-бытовой деталью повествования об одном из многочисленных орудий смерти.

³³ Об этом образе см.: *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси... С. 110—113.

зеркально симметричных фрагментах («и ни отцу и матери о чадах, или чадам о отцы и матери»), а затем как родство более широкое, о котором сказано в двух равносложных частях («ни брату о брате, ни ближнему роду»). Этот композиционный рефрен имеет ту же эпифорическую концовку — *«грѣх ради наших»*, которая завершила рассказ составителя о гибели в битве князей с дружиной.

Композиционный рефрен единой смертной чаши для всех после авторского плача введен повествователем в описание картины поля боя, увиденного глазами князя Ингваря Ингоревичем. Его братья и дружина: *«Лежаша на земли пуге, на травѣ ковыле, снѣгом и ледом померзоша, никим брегома. От зверей телеса их снѣдаема, и от множества птиц разѣтерзаемо. Всѣ бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную»* (с. 150). В плаче князя рефрен прозвучит в последний раз: *«Како нареку день той или како возпишу его — в он же погиге толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удалцев! Ни един от нихъ возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша»* (с. 152). Эпифорической концовки *«грѣх ради наших»* в этих двух повторах не содержится, возможно, потому, что с точки зрения создателя Повести, суд Божий уже состоялся и грехи рода рязанских князей и всей Рязанской земли уже получили отпущение.

С темой смерти в тексте Повести связан еще один сюжетный повтор. В эпизодах, в которых сообщалось о смерти первого погибшего рязанского князя — Федора Юрьевича и о гибели князя Юрия Ингоревича с братьями и дружиной, легко обнаруживаются связанные между собою ситуативные повторы, оформившие сюжетно близкие фрагменты текста. Так, напомним, Батый повелел бросить тело Федора Юрьевича *«зверем и птицам на разтерзание»*³⁴ (с. 142). Однако создатель Повести ввел эпизод с пестуном князя — Апоницей, который не захотел примириться с судьбой, уготованной его господину: увидев князя Феодора *«никим брегома»*, он тайно похоронил его. В качестве сюжетного противопоставления можно расценивать повтор, который читается в картине поля битвы, на котором полегли рязанские князья с дружиной. Посмертная участь князей и воинства является своего рода реализацией повеления Батыя: они лежат *«никим брегома. От зверей телеса их снѣдаема, и от множества птиц разѣтерзаемо»* (с. 150). В этом эпизоде, как видим, вновь подчеркивается идея составителя памятника о единстве судьбы рязанских князей и их воинов. Князь Ингварь Ингоревич, стоя над погибшими, в своем плаче обращается к братьям: *«Лежите на земли пуге, никим брегома, чѣти-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша! Где господство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пуге, зрак лица вашего изменися во истлѣнии»* (с. 150). Очевидно, что на семантическом уровне в этом фрагменте подчеркивается общая в христианской традиции мысль о тленности мирской славы и власти (*«чѣти-славы ни от кого приемлемо»*, *«Изменися бо слава ваша!»*, *«Где господство ваше?»*, *«Многим землям государи были есте...»*). Вместе с тем в

³⁴ В этом приказе Батыя видится реминисценция библейского текста. В качестве наиболее близких источников можем назвать «И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверем и не будет отгоняющих их» (Втор. 28: 26) и более близкий, на наш взгляд, — «Положиша трупи раб твоих брашно птицам небесным, плоти преподобных твоих — зверем земным» (Пс. 78: 2).

плаче речь идет и о реальном тлене, который уже коснулся тел убитых («зрак лица вашего изменися во истлѣнии»), оставшихся не погребенными на поле, поросшем ковылем.

Тема разорения Рязани и всего Рязанского княжества реализуется через свою систему повторов, в которых описание разоренного города, тема запустения Рязанской земли противопоставлены бывшим прежде веселью и красоте. Эти повторы поддерживаются в тексте сквозной темой плача.

В Повести повторяющийся образ разоренного города представлен несколькими вариантами. В самом полном виде описание читается в кульминационном эпизоде произведения — рассказе о взятии Рязани монголо-татарами: «И взяша град Резань месяца декабря 21 день. *И приидоша в церковь соборную пресвятыя Богородици, и великую княгиню Агрепѣну, мать великаго князя, и с снохами, и с прочими княгинями мечи исекоша, а епископа и священнический чин огню предаша — во святѣй церкви пожгоша; а инѣи мнози от оружиа подоша. А во граде многих людей и с жены, и с дѣти мечи исекоша, и иных в рѣць потопиша. И ереи, черноризца до останка исекоша. И весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродники их киевское и черъниговское поимаша. А храмы божиа разориша, и во святыхъ олтарех много крови пролиаша»* (с. 144—146). В приведенном описании сообщается о смерти от меча, огня и воды всех, кто был в Рязани: оставшихся представителей власти светской (мать рязанских князей с родными были убиты мечами), церковной (епископ со священниками и иноками преданы огню и мечу), всех горожан (погибли от меча и воды). Город сожжен, богатство разграблено, церкви разорены и осквернены. Иными словами, в кратком виде повтор может быть представлен трехчастной формулой: «люди убиты, город сожжен, церкви разорены». И далее в тексте памятника выявленная структура становится основой в повторах, описывающих разоренный город, причем в вариантах наблюдается разная последовательность частей формулы, к тому же каждая из составляющих частей может получать распространение. После описания разгрома Рязани повествователь перешел к рассказу о бедах всего Рязанского княжества. Битва с рязанскими князьями и их войсками закончилась для их врагов большими потерями: Батый «видя свои полки мнозии падоша, и нача велми скръбѣти и ужасатися, видя своя силы татарскыя множество побѣных. *И начаша воевати Резанскую землю, и веля бити, и стѣчи, и жещи без милости. И град Прѣнеск, и град Бѣл, и Ижеславецъ розари до основания, и весь люди побиша без милости. И течаше кровь христьянская, яко река сильная, грѣх ради нашихъ»* (л. 144). Повеление Батыя бить, сечь и жечь выполнено его войском: города рязанского княжества были полностью разрушены и все люди убиты. Отметим, что слова «без милости» присутствуют и в приказе царя, и в описании действий его воинов. Отсутствие милосердия становится еще одним постоянным эпитетом при упоминании Батыя (по отношению к нему употребляются слова «немилостив», «немилостивно», «немилосерд») и его действий (описания разорения городов и земель княжества). В достаточно кратком варианте разбираемый повтор разоренного города присутствует в рассказе создателя Повести о стремлении Батыя после взятия Рязани захватить и другие княжества, пленив земли, искоренив веру и разорив церкви. Царь желает «*Рускую землю поплентити, и вѣру христьянскую искоренити, и церкви божии до основа-*

ния *разорити*» (с. 146). Обращает на себя внимание тот факт, что в данном фрагменте усилен мотив гонения на христианство (веру и церковь), которое должно быть искоренено до основания. Авторское повествование сменяется картиной разоренного Рязанского княжества, каким оно предстало перед глазами Евпатия Коловрата, вернувшегося из Чернигова. Воевода «приѣха в землю Резаньскую, и видѣ ея опустѣвшую: *грады разорены, церкви пожжены, люди побьены*» (с. 146). В этом ритмически выстроенном с глагольными рифмами повторе, образованном тремя парами равносложных существительных (по 2 слога) и почти равносложных глагольных форм (4, 3, 3), описание приобрело предельно краткую форму (грады — церкви — люди). Рассказ повествователя о том, что увидел воевода Евпатий в столице княжества, более подробен. Он «пригна во град Резань, и видѣ *град разорень, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побьены и постъчены, а ины позжены, ины в рець истоплены*» (с. 146). Мы видим уже встречавшиеся в тексте элементы повтора (город, государи, люди), при этом внимание составителя сосредоточено на более подробном рассказе о том, какой смертью погибали защитники города: одни — от меча, другие — от огня, иные — от воды. Очевидно совпадение повтора с тем, что заключает рассказ о взятии Рязани: в обоих эпизодах составитель Повести подчеркивает, какую смерть приняли горожане. Возвратившийся из Чернигова князь Ингварь Ингоревич пришел к Рязани «и видя *град разорен, и мать свою, и снохи своа, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разорень, церкви позжены, и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель...*» (с. 148). Это описание разоренного города состоит из двух трехчленных повторов. В первом из них (град — государи — люди) автором был наиболее подробно представлен личностный взгляд князя Ингваря — раскрыта та часть повтора, в которой говорится о гибели княжеской семьи («государи» в повторе — родные ему люди: мать, снохи и родственники). О жителях сказано достаточно лаконично — «множество много мертвых». Во втором повторе читаются два устойчивых элемента формулы (град — церкви) и сказано о разграблении богатств княжества. Эта часть повтора позволяет прояснить создателю Повести положение князя, который остался без средств, позволяющих возродить княжество. Именно этот перечень потерь (город — княжеский род — жители столицы и всего княжества — церкви — утрата богатств) подводит Ингваря Ингоревича к эсхатологическому осмыслению произошедшего — к мысли о «*великой конечной погибели*».

Тема запустения, тесно связанная с темой разорения Рязанской земли, становится еще одной сквозной темой в повествовании. Евпатий первым увидел последствия Батыева нашествия: «И приѣха в землю Резаньскую, и видѣ ея опустѣвшую...» (с. 146). То же запустение встречает князь Ингваря Ингоревича: он «прииде из Чернигова в землю Резаньскую, во свою отчину, и видя ея пуста...» (с. 148). На «земли пуста» лежат погибшие князя вместе с дружиной на поле битвы, в плаче Ингварь Ингоревич дважды сетует, что его братья лежат «на земли пуста» (с. 150), рязанская дружина была им похоронена на «мѣсте на пуста» (с. 152). Тема запустения своей кульминации достигает в авторском плаче: «*Сий бо град Резань и земля Резанская! Изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо*

*видѣти*³⁵ — *токмо дым и пепел*» (с. 150). Представляется существенным для художественной организации текста, что в анализируемом повторе обнаруживается возможность цветового решения в описании: белизна зимнего декабрьского снега контрастирует с черно-серым дымом и пеплом, никаких других оттенков в описании нет. И далее этот контраст присутствует в обращении составителя памятника к мотиву пострадавших в огне церквей: «*А церкви всть погорѣша, а великая церковь внутрь погоре и почернѣша*» (с. 150). Черно-белое изображение стало единственным цветовым решением в памятнике, так как еще один цвет — красный (пролитой крови и огня) — остается не названным напрямую. Также следует оговорить, что создатель Повести еще раз обращается к приему чередования точек зрения на картину запустения Рязани и Рязанского княжества (автор — автор — Евпатий Коловрат — Евпатий Коловрат — князь Ингварь — князь Ингварь — автор), что дает возможность подчеркнуть различия в восприятии разорения. При этом, как представляется, очевидно стремление к сложной (с повторами) кольцевой композиции в отмеченном чередовании этих точек зрения.

В авторском плаче противопоставление прошлого княжества (до Батыева нашествия) настоящему (запустению Рязанской земли после него) выражено со всей определенностью: «*Не бѣ во граде пѣниа, ни звона, в радости мѣсто всегда плач творяще*» (с. 150). Как показано в тексте памятника, из жизни разоренного города исчезли церковные службы и колокольный звон, а вместо радости пришло время плача. В рассматриваемом пассаже видится ориентация на несколько источников, в основе которых лежат библейские книги: «Помрачися всякая радость, изгнано всякое веселие земли» (Ис. 24: 11); «Обратиша же в плач гусли моя, песнь же моя — в рыдание мне» (Пс. 30: 31); «Разсыпая радость сердец наших, обратися в плач лик наш» (Плач 5: 15); «И превращу праздники ваша в жалость, и вся пѣсни ваша — в плач» (Ам. 8: 10).³⁶ Сразу оговорим, что мотив слез и горя прослеживается в различных эпизодах Повести. Так, пестун князя Федора Апоница, видя тело господина, «*горько плачущися*» (с. 142); услышав «*смертоносныя глаголы и горести исполнены*», княгиня Евпраксия с сыном разбилаь насмерть; князь Юрий Ингорович со всей семьей и городом оплакал смерть сына; «*со слезами*» молился Богу и «*плакался*» пред образом Богородицы перед битвой (с. 142); «*воскричал в горести душа своя*» Евпатий Коловрат, увидев разгромленную Рязань и погибших горожан (с. 146); князь Ингварь Ингорович, осознав «*велику конечную погибель <...> от великаго кричания и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертв*» (с. 148); он «*погребе матерь свою, и снохи своя плачем великим во псалмов и пѣсней мѣсто: кричаше велми и рыдаше*» (с. 150); придя на место гибели князей с дружиной, князь Ингварь «*воскрича горько велием гласом <...> слезы же его от очю, яко поток, те-*

³⁵ В данном фрагменте можно увидеть библейскую реминисценцию «И се святая наша, и красота наша, и слава наша опусте» (1 Макк. 2:12). Серапион Владимирский в 1270-х гг. также сетовал: «*величество наше смѣрися, красота наша погыбе, богатство наше онѣмь в користь бысть*» (БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 376).

³⁶ Отметим, что данная цитата из Книги пророка Амоса приводится составителем Лаврентьевской летописи при описании разорения Владимира: «И бысть плач велик в градѣ, а не радость, грѣх ради наших и неправды <...> якоже пророк глаголаше: „Преложю праздники ваша в плачь, и пѣсни ваша — в рыдание“» (БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 96).

чаще» (с. 150). В плаче Ингваря Ингореви́ча, ритмически организованном, насыщенном метафорами, синонимическими лексическими и смысловыми повторами, анафорами и эпифорами, мотив ушедшей радости также представлен. Так, обращаясь к братьям и дружине, он восклицает: «О милая моя брати́а и дружина ласкова! Уже *не повеселюся* с вами!» (с. 150). И далее создатель Повести вновь включает противопоставление ушедшей радости нынешней скорби: «Уже за *веселием* плач и слезы *приидоша* ми, а за *утѣху* и *радость* сетование и *скръбь* яви ми ся» (с. 150). Это противопоставление построено на основе синтаксического параллелизма.³⁷ Представляется важным, что противопоставления в рассказе о погребении родных и самом плаче князя Ингваря повторяют то, что впервые читается в авторском плаче: «Не бѣ во граде *пѣннѣ*, ни звона, в радости *мѣсто* всегда плач *творяще*». Как видим, слова о том, как Ингварь Ингореви́ч хоронил родных «*плачем великим во псалмов и пѣсней мѣсто*: кричаше велми и *рыдаше*», повторяют мысль автора о плаче, заменившем церковную службу. А слова князя о плаче, слезах, сетовании и скорби, которые сменили веселье, радость и утеху, развивают противопоставление, которое читается в авторском плаче. Составителем Повести плач князя завершён риторической фразой, которая была составлена из четырех простых предложений. В первом из них в начале предложения автор сообщает о состоянии героя («Се бо в горести души моя»), а затем последовательно создает тождественные конструкции, построенные по законам полного синтаксического параллелизма, причем они практически равносложные (7 слогов — 7 — 6 — 7), и каждое из них завершается глагольной рифмой: «Се бо в горести души моя *язык мой связаетя, уста заграждаются, зрак опусмевае, крѣпость изнемогае!*» К этому пассажи можно указать несколько библейских параллелей. Наиболее близкими, как представляется, являются следующие: «Изше, яко скудель, крепость моя, и язык мой прильпе гортани моему» (Пс. 21: 16); «Заградишася уста моя» (Пс. 12: 12); «Оскудеша очи моя в слезах» (Плач 2: 11); «Изнеможе нищетою крепость моя» (Пс. 30: 11).

Очевидно, что в «Повести о разорении Рязани Батыем» на протяжении всего рассказа постоянно присутствует ориентация на текст Священного Писания как на тот «вечностный фон», эхом которого является и история, и человеческая жизнь.³⁸ Поэтому «в каузальных связях для средневекового автора просвечивает иной план, более глубокий и неизменяющий-

³⁷ Более подробный анализ плача Ингваря Ингореви́ча см.: Лобакова И. А. К полемике о соотношении «Повести о разорении Рязани Батыем»... С. 524—527. В настоящей статье в плаче князя проанализированы лишь те повторы, которые связывают эту часть текста с другими эпизодами. Повторяющиеся риторические вопросы и восклицания, обращения к братьям, присущие этому тексту, не были рассмотрены в настоящей статье, так как они организуют риторически украшенное слово, которым является плач князя Ингваря, и существуют в рамках этого текста.

³⁸ См.: Лихачев Д. С. Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси и пути его преодоления. (К постановке вопроса) // Академику В. В. Виноградову к его 60-летию. Сб. статей. М., 1956. С. 21—36; Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 178—193; Панченко А. М. История и вечность в системе русского барокко // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 191. В настоящее время эта тема разрабатывается исследователями на различном материале.

ся»,³⁹ который оказывается особо значимым для осознания трагических событий Батыева нашествия.

Необходимо заметить, что в наиболее целостном виде система повторов представлена в редакции А «Повести о разорении Рязани Батем». В редакциях Б первого и второго видов она оказалась деформированной. Так как различия в художественной организации текста памятника в старших редакциях уже были предметом специального анализа,⁴⁰ перечислим наиболее репрезентативные отличия в редакциях Б. Самым существенным является сделанное добавление в главный композиционный повтор Повести: в редакциях Б изменился его смысл. Если в редакции А последовательно выстраивается образ мертвого города («*вси равно умроша*»), то в редакциях Б повтор оказался изменен: «а ини мнози в полон поведени быша», что нейтрализовало в главном эпизоде памятника символический образ единой смертной чаши для всех. В редакции А сообщается, что князь Ингварь пришел в Рязанскую землю, где услышал о гибели братьев, и, войдя в город, увидел тело матери, а в редакциях Б слова о погибших братьях оказались включены в картину разоренной Рязани, при этом известие о нахождении им убитой матери опущено, в результате чего Ингварь Ингваревич будто бы увидел тела братьев в городе, что противоречит как имеющимся в тексте сведениям о битве князей вне града, так и последующему рассказу о приходе князя на поле битвы, где он увидел «братию». Наибольшую трансформацию претерпела система повторов в редакции Б второго вида, в которой были пропущены три начальных эпизода памятника: молитва князя Юрия Ингоревича, его обращение к братьям и дружине, описание прощания князя с матерью, родными и всеми горожанами.

Анализ системы повторов в «Повести о разорении Рязани Батыем» позволяет прийти к следующим выводам. Повторы в этом произведении становятся основой художественной организации текста: все эпизоды пронизаны лексическими повторами, которые, соединяясь с другими повторами, образуют своего рода цепочки. Эти цепочки повторов раскрывают сквозные темы Повести — мужества, плача и смерти. В произведении, как мы пытались показать, обнаруживаются лексические, формульные, сюжетные, композиционные цепочки повторов, которые связаны друг с другом на разных уровнях (образном, мотивном, тематическом, сюжетном, композиционном, семантическом) и дополнены повторяющимися метафорами и системой отсылок к библейскому тексту. Композиционные повторы завершают сходные ситуации повествования, объединяя текст в одно целое и одновременно отделяя близкие по смыслу эпизоды друг от друга. Единая система повторов, на наш взгляд, свидетельствует о единстве замысла создателя Повести и не позволяет увидеть в тексте механическое соединение различных эпизодов. Характер повествования «Повести о разорении Рязани Батыем», как и «Слова о полку Игореве», может быть определен как «плач-слава». Однако в отличие от лирического сюжета Слова в Повести, которая относится к жанровой форме воинского повествования,⁴¹ сюжет линейный, в котором последова-

³⁹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы... С. 7.

⁴⁰ См.: Лобакова И. А. Проблема соотношений старших редакций... С. 38—40, 41—46.

⁴¹ О соотношении существующих определений «воинская повесть» и воинское повествование см.: Лобакова И. А. Воинское повествование: актуальные проблемы становления и

тельно раскрывается осознание «великой конечной погибели». Создателем памятника в эсхатологическом ключе воспринималось Батыево нашествие и разорение земли от его «бесчисленного воинства».⁴²

Список литературы

- Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. 204 с.
- Аверинцев С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. М., 1972. С. 25—50.
- Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 29—49.
- Адрианова-Перетц В. П.* Историческая литература XI—XV вв. и народная поэзия // ТОДРЛ. М.; Л., 1950. Т. 8. С. 95—137.
- Демкова Н. С.* Повторы в «Слове о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 18—32.
- Державина О. А.* Картины битвы в русской литературе XI—XX вв. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 215—221.
- Дмитриев Л. А.* Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237—конец XIII века // История русской литературы. В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 117—125.
- Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 93—129.
- Каишкин А. С.* Великая песнь Моисея: экзегетический анализ Второзакония 32: 1—43 // Христианское чтение. 2011. № 3 (38). С. 67—123.
- Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 2001. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. С. 411—456.
- Комарович В. Л.* К литературной истории Повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 57—72.
- Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84—104.
- Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. 3-е изд. СПб., 2015. 453 с.
- Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. 283 с.
- Лихачев Д. С.* К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 48—51.
- Лихачев Д. С.* Литературная судьба Повести о разорении Рязани Батыем в первой четверти XV в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 9—22.
- Лихачев Д. С.* Повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257—406.
- Лихачев Д. С.* «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. 1-е изд. М., 1975. С. 221—239.

эволюции жанровой формы // Авраамиева седмица. Мат-лы Междунар. науч. конф. «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске». 11—13 сентября 2019. Смоленск, 2020. С. 184—194.

⁴² Еще одной отличительной особенностью памятника, на наш взгляд, является последовательно проведенный составителем прием смены точек зрения на описываемые события в тексте.

Лихачев Д. С. Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси и пути его преодоления. (К постановке вопроса) // Академику В. В. Виноградову к его 60-летию. Сб. статей. М., 1956. С. 21—36.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. 1-е изд. М., 1970. С. 25—71.

Лобакова (Евсеева) И. А. Анализ формульного стиля Повести о разорении Рязани Батыем // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 120—125.

Лобакова И. А. Военское повествование: актуальные проблемы становления и эволюции жанровой формы // Авраамиева седмица. Мат-лы Междунар. науч. конф. «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске». 11—13 сентября 2019. Смоленск, 2020. С. 184—194.

Лобакова И. А. Заметки по текстологии «Повестей о Николе Заразском». (Отклик на концепцию Б. М. Клосса) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005. С. 761—783.

Лобакова И. А. К полемике о соотношении «Повести о разорении Рязани Батыем» со Словом о житии и преставлении Дмитрия Ивановича и Повестью о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 519—542.

Лобакова И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе рукописных тематических ансамблей // ТОДРЛ. Т. 67. СПб., 2020. С. 623—642.

Лобакова И. А. Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 36—53.

Майоров А. В. Женщина, дипломатия и война: мирные переговоры накануне монгольского нашествия на Русь (в печати).

Мелихов М. В. Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в литературной и рукописной традиции XV—XVII вв. СПб., 2003. 270 с.

Милотенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и подготовка текстов. СПб., 2006. 431 с.

Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945 (2-е изд. — 1964 г.). 143 с.

Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII веком). М., 1902. 50 с.

Панченко А. М. История и вечность в системе русского барокко // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 189—199.

Прохазка Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 229—240.

Путилов Б. Н. Песня о Евпатии Коловрате // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 118—139.

Робинсон А. Н. К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских повестей» Древней Руси // Основные проблемы эпоса восточных славян. Сб. статей. М., 1958. С. 131—158.

Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 178—193.

Семячко С. А. Предисловия к библейским песням как историко-литературный феномен // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 62—83.

Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 29—40.

Тонков В. А. Воинские повести XII—XIII вв. и фольклор // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Воронеж, 1940. Т. 7, вып. 2 (ОЯЛ). С. 50—63.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1998. Т. 1. С. 490—508.

Трофимова Н. В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М., 2017. 276 с.

Успенский Б. А. Борис и Глеб. Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. 128 с.

Хрусталева Д. Г. Русь и монгольское нашествие. 2-е изд. СПб., 2013. 416 с.

References

- Abramovich D. I.* Zhitija svjatyh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im. Pg., 1916. 204 s.
- Averincev S. S.* K ujasneniju smysla nadpisi nad konhoj central'noj apsidy Sofii Kievskoj // Drevnerusskoe iskusstvo. M., 1972. S. 25—50.
- Adrianova-Peretc V. P.* Drevnerusskaja literatura i fol'klor. L., 1974. S. 29—49.
- Adrianova-Peretc V. P.* Istoricheskaja literatura XI—XV vv. i narodnaja poezija // TODRL. M.; L., 1950. T. 8. S. 95—137.
- Demkova N. S.* Povtory v «Slove o polku Igoreve» // Demkova N. S. Srednevekovaja russkaja literatura. Poetika, interpretacii, istochniki. Sb. statej. SPb., 1997. S. 18—32.
- Derzhavina O. A.* Kartiny bitvy v russkoj literature XI—XX vv. // Problemy izuchenija kul'turnogo nasledija. M., 1985. S. 215—221.
- Dmitriev L. A.* Literatura pervyh let mongolo-tatarskogo iga. 1237—koniec XIII veka // Istorija russkoj literatury. V 4 t. L., 1980. T. 1. S. 117—125.
- Eremin I. P.* «Slovo o polku Igoreve» kak pamjatnik politicheskogo krasnorechija Kievskoj Rusi // Slovo o polku Igoreve. Sb. issledovanij i statej. M.; L., 1950. S. 93—129.
- Kashkin A. S.* Velikaja pesn' Moiseja: ekzegeticheskij analiz Vtorozakonija 32: 1 — 43 // Hristianskoe chtenie. 2011. № 3 (38). S. 67—123.
- Kloss B. M.* Izbrannye trudy. M., 2001. T. 2: Oчерki po istorii russkoj agiografii XIV—XVI vekov. Agiografija Moskvj, Tveri, Jaroslavlja, Suzdalja. Skazanija o chudotvornyh ikonah. S. 411—456.
- Komarovich V. L.* K literaturnoj istorii Povesti o Nikole Zarajskom // TODRL. M.; L., 1947. T. 5. C. 57—72.
- Komarovich V. L.* Kul't roda i zemli v knjazheskoj srede XI—XIII vv. // TODRL. M.; L., 1960. T. S. 84—104.
- Krivoshchev Ju. V.* Rus' i mongoly. Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoj Rusi XII—XIV vv. 3-e izd. SPb., 2015. 453 s.
- Kuz'min A. G.* Rjazanskoe letopisanie. Svedenija letopisej o Rjazani i Murome do serediny XVI veka. M., 1965. 283 s.
- Lihachev D. S.* K istorii slozhenija Povesti o razorenii Rjazani Batyem // AE za 1962 god. M., 1963. S. 48—51.
- Lihachev D. S.* Literaturnaja sud'ba Povesti o razorenii Rjazani Batyem v pervoj chetverti XV v. // Issledovanija i materialy po drevnerusskoj literature M., 1961. S. 9—22.
- Lihachev D. S.* Povesti o Nikole Zarazskom // TODRL. M.; L., 1949. T. 7. S. 257—406.
- Lihachev D. S.* «Povest' o razorenii Rjazani Batyem» // Lihachev D. S. Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedenija literatury Drevnej Rusi. 1-e izd. M., 1975. S. 221—239.
- Lihachev D. S.* Srednevekovyj simvolizm v stilisticheskikh sistemah Drevnej Rusi i puti ego preodolenija. (K postanovke voprosa) // Akademiku V. V. Vinogradovu k ego 60-letiju. Sb. statej. M., 1956. S. 21—36.
- Lihachev D. S.* Chelovek v literature Drevnej Rusi. 1-e izd. M., 1970. S. 25—71.
- Lobakova (Evseeva) I. A.* Analiz formul'nogo stilja Povesti o razorenii Rjazani Batyem // Rukopisnaja tradicija XVI—XIX vv. na Vostoke Rossii. Novosibirsk, 1983. S. 120—125.
- Lobakova I. A.* Voinskoe povestvovanie: aktual'nye problemy stanovlenija i evoljucii zhanrovoj formy // Avraamieva sedmica. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. «Chtenija po istorii i kul'ture Drevnej Rusi v Smolenske». 11—13 sentjabrja 2019. Smolensk, 2020. S. 184—194.
- Lobakova I. A.* Zametki po tekstologii «Povestej o Nikole Zarazskom» (Otklik na koncepciju B. M. Klossa) // Russkaja agiografija. Issledovanija. Publikacii. Polemika. SPb., 2005. S. 761—783.
- Lobakova I. A.* K polemike o sootnoshenii «Povesti o razorenii Rjazani Batyem» so Slovom o zhitii i prestavlenii Dmitrija Ivanovicha i Povest' o nashestvii Tohtamysha // TODRL. SPb., 2006. T. 57. S. 519—542.
- Lobakova I. A.* «Povest' o razorenii Rjazani Batyem» v sostave rukopisnyh tematicheskikh ansamblej // TODRL. T. 67. SPb., 2020. C. 623—642.
- Lobakova I. A.* Problema sootnoshenija starshih redakcij «Povesti o razorenii Rjazani Batyem» // TODRL. SPb., 1993. T. 46. S. 36—53.

Majorov A. V. Zhenshchina, diplomatija i vojna: mirnye peregovory nakanune mongol'skogo nashestvija na Rus' (v pečati).

Melihov M. V. Drevnerusskie voinskie povesti: problemy szuzhetoslozhenija i idejno-hudozhestvennaja transformacija zhanra v literaturnoj i rukopisnoj tradicii XV—XVII vv. SPb., 2003. 270 s.

Miljutenko N. I. Svjatye knjaz'ja-mucheniki Boris i Gleb. Issledovanie i podgotovka tekstov. SPb., 2006. 431 s.

Orlov A. S. Geroicheskie temy drevnej ruskoj literatury. M.; L., 1945. (2-e izd. — 1964 g.). 143 s.

Orlov A. S. Ob osobennostjah formy russkikh voinskih povestej (konchaja XVII vekom). M., 1902. 50 s.

Panchenko A. M. Istorija i večnost' v sisteme russkogo barokko // TODRL. L., 1979. T. 34. S. 189—199.

Prohazka E. A. O roli «obshnih mest» v opredelenii zhanra drevnerusskikh voinskih povestej // TODRL. L., 1989. T. 42. S. 229—240.

Putilov B. N. Pesnja o Evpatii Kolovrate // TODRL. M.; L., 1955. T. 11. S. 118—139.

Robinson A. N. K voprosu o narodno-pojeticheskikh istokah stilja «voinskih povestej» Drevnej Rusi // Osnovnye problemy eposa vostochnyh slavjan. Sb. statej M., 1958. S. 131—158.

Robinson A. N. Literatura Drevnej Rusi v literaturnom processe srednevekov'ja XI—XIII vv. Očerki literaturno-istoričeskoj tipologii. M., 1980. S. 178—193.

Semjachko S. A. Predislovija k biblejskim pesnjam kak istoriko-literaturnyj fenomen // TODRL. SPb., 2017. T. 65. S. 62—83.

Tvorogov O. V. Zadachi izučeniya ustojchivyh literaturnyh formul Drevnej Rusi // TODRL. M.; L. 1964. T. 20. S. 29—40.

Tonkov V. A. Voinskie povesti XII—XIII vv. i fol'klor // Izvestija Voronezhskogo gos. ped. in-ta. Voronezh, 1940. T. 7, vyp. 2 (OJaL). S. 50—63.

Toporov V. N. Svjatost' i svjatye v ruskoj duhovnoj kul'ture. M., 1998. T. 1. S. 490—508.

Trofimova N. V. Poetika drevnerusskogo voinskogo povestvovanija. M., 2017. 276 s.

Uspenskij B. A. Boris i Gleb. Vosprijatie istorii v Drevnej Rusi. M., 2000. 128 s.

Hrustalev D. G. Rus' i mongol'skoe nashestvie. 2-e izd. SPb., 2013. 416 s.